

Maria K. Shemyakina,
associate professor,
Belgorod State Institute of Culture and Arts

Filled with Sense Function of Art Antinomy (on material of Russian traditional folklore)

Keywords: *cultural antinomy, Russian traditional art creativity, folklore of the Russian people*

Annotation: *The Russian traditional art creativity as the central element of the structure fixes opposition of system antinomy. Art and figurative antinomy unite ontologic rootedness and gnoseological openness. Similar the dvunachaly it will be actively demanded by art and figurative filling and the ideological and thematic content of folklore.*

Символическая система традиционной культуры с закрепляемым антиномическим началом определится как центральная категория художественного творчества, будет свидетельствовать об его исключительной роли во всех проявлениях человеческого бытия.

Исходным в определении русского традиционного художественного творчества станет его содержательное наполнение.

Изучение русского традиционного художественного творчества в реализации понятийного мира своих структурных компонентов, определение специфики функционирования в нем художественно-образных проявлений понятия «возрождение» раскроет специфику его понимания как одного из самых ярких хранителей национальных художественных традиций, выражения уникальных эстетических, нравственных, бытовых представлений русского народа, его самосознания; поможет сформировать социально-этнический образ русской традиционной культуры.

В силу последнего естественным в русской традиционной художественной культуре определится противостояние центральных антиномий - категорий начала и конца как довлеющих субстантивных единиц в реализации художественно-образного воплощения понятия «возрождение».

Как референтно подобное противостояние будет изобличено в детерминантных противоречиях и контрастах – идее свободы и теме зависимости от внешних обстоятельств, соотнесении в одном контексте рационализма и магии, чувственности и аскетизма.

Особую значимость в подобном контексте обретет русское устное народное творчество (народные загадки и скороговорки, былины и предания, сказки и лирика).

Все жанровые разновидности фольклора, в том числе и малые его жанры (народные пословицы и поговорки) явились, по сути, спрессованным веками пластом народной мудрости, миропонимания, мироощущения, сосредоточением духовных ориентиров и моральных оценок (3).

Устное народное творчество (фольклор) является традиционной для русского народа бытовой художественно-утилитарной деятельностью и ее результатом, отражающим философско-эстетическое самосознание народа, сложившееся в результате многовековой коллективной коммуникации, проявившееся в основном в устной форме и в бесконечной множественности вариантов произведений.

Одной из закрепляемых черт русского устного народного творчества в таком звучании определяются обязательное отображение в его содержательной структуре центральных аксиологических характеристик бытия народа, к числу которых относим нами и реализуемый на разных жизненных уровнях понятие «возрождение».

Концептуализированное понятие «возрождение» воплощается в устном творчестве русского народа, прежде всего, в главном своем художественно-содержательном начале – пристальном внимании к человеку.

В этом своем своеобразии понятие «возрождение» многомерно проявит себя в крупных, средних и малых эпических жанрах, в структурном (композиционном) звучании и тематическом расширении.

Идея «возрождения» естественным образом будет пониматься русским народом как символ выживания и духовно-нравственного совершенствования, выражения идеальных (добродетельных) качеств национального образа народа, воплощающих идеальные национальные черты.

Реализацию подобных установок в образно-символическом звучании находим в многочисленных жанрах устного народного творчества в прямом и опосредованном (иносказательном) варианте.

В большей степени художественно-образная линия реализации понятия «возрождение» станет очевидной на примере крупного эпического жанра – былины, в частности, – в своеобразии ее образной системы – образов богатырей.

Уже старшие богатыри в былине будут обладать опосредованной характеристикой «возрождения» - сверхъестественной силой (они олицетворяли своими образами грозные и милостивые в отношении к человеку силы природы) - и столь же могущественными, оставшимися от ранней эпохи их появления, магическими способностями: перевоплощениями в зверей и птиц (в гнедого тура – золотые рога, в ясного сокола, в серого волка, в рыбу-щучинку), совершениями магических действий, преобразованиями окружающего мира.

Таковым в былине предстает само описание богатырей, описываются реалии, относимые к обстоятельствам их появления на свет:

*Не с кем Святогору силой меряться
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается! (Былина «Святогор») (5, 212)
Задрожала сыра земля,
Затряслося славное царство Индийское,
А и сине море всколыбалось
Для ради рождения богатырского -
Молода Волхв Всеславьевича... (Былина «Волхв Всеславьевич») (5, 274)
Когда воссияло солнце красное
Щужой-рыбою ходить ему в глубоких
морях,
На том ли на небушке на ясном,
Птицей-соколом летать ему под
облаками,*

*Тогда родился молодой Вольга,
полям...*

*Молодой Вольга Святославович;
Как стал тут Вольга расти-матереть,
Захотелось Вольге много мудрости:*

Серым волком рыскать да по чистым

(Былина «Вольга и Микула») (5, 278)

При этом важно отметить, что мысль о перевоплощении и обратном воссоздании исходного человеческого начала опосредованно введет в эпический текст идею становления человека и сохранения человеческого достоинства.

Образная система этого ряда будет состоять из Святогора, Вольги Святославича, Микулы Селяниновича; Полкана, Кольвана Ивановича, Дона Ивановича и Дуная Ивановича и т.д.

Так, например, Микула Селянинович встречается в 2-х былинах: о Святогоре и о Вольге Святославовиче.

Микула своей умелостью выступает из ряда старших богатырей (такое отдельное положение богатыря связывает, с точки зрения представителей мифологической школы, имя Микулы Селяниновича со славянским Перуном (древним божеством грома и молнии) и св. Николаем) (1); он представитель земледельческого сословия, обладающий не количественной, а качественной силой (нравственным духом), который можно назвать выносливостью (Микула предвещает появление младших богатырей, подчеркивает Ф.И. Буслаев, хотя ещё «остаётся земледельческим божеством») (1).

В отличие от старшего, младшее поколение богатырей напрямую утвердит мысль о становлении человека (или его возрождении) в прямом выражении понятия «возрождение».

Герой будет наделен важными социальными качествами упорядочения мира земного, человеческого (ценимыми выступают земные качества миролюбия, справедливости, жалости к сирым и убогим и т.д.).

Крайне важным в этом художественном анализе станет рассмотрение образной системы богатырей центральной богатырской гридницы.

Подобные качества не всегда носили однозначную оценку, но всегда были выразителями народного идеала:

*«Ай же старый ты казак да Илья Муромец!
А постой-ка ты за веру, за отечество,
И постой-ка ты за славный Киев-град,
Да постой-ка ты за матушки Божьи церкви.*

Да постой-ка ты за князя за Владимира...» (Былина «Илья Муромец и Калин-царь») (5, 222).

Добрыня своей матушки не слушался,

*Как он едет далече во чисто поле,
На ту на гору на Сорочинскую,
Потоптал он младых змеенышей,*

Повыручал он полоны да русские! (Былина «Добрыня и змей») (5, 237)

*Да входят во гриденку во светлую,
Да крест-то кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,*

Молитву творят все Иисусову,

Они бьют челом на все четыре стороны,

А князю с княгиней на особинку... (Былина «Алеша Попович и Тугарин») (5, 245)

Первым, и любимейшим богатырем земли русской, выступит Илья Муромец, сын Иванович.

Показательна, как уже отмечалось ранее, в этой связи былинная биография богатыря, утвердившая сначала мотив его возрождения к жизни в непосредственно физическом смысле: в тридцать три года он вновь «народился» на белый свет (богатырь просидел сиднем тридцать лет и три года «близ славного города Мурома, в том ли селе Карачарове») и метафорическом – Русь в лице Ильи Муромца получила высшую форму воплощения идеальных качеств.

Илья закрепится в народной памяти как богатырь-правдолюбец.

Примечательно, что сотоварищем богатыря в подвигах ратных, образом усиливающим и без того гиперболизированную характеристику героя, выступит богатырский конь, верою-правдою служащий своему хозяину.

Верою-правдою будет строиться и вся жизнь Ильи Муромца, а, как известно, *«Правда и в воде не тонет, и в огне не горит»*.

Не менее знаковой фигурой предстанет в эпическом повествовании и образ Добрыни Никитича, второго богатыря после Ильи.

С этим образом будет связана реализация другой сюжетной линии – сохранения человеческих качеств и наказа старейших.

Былины повествуют о долгой придворной службе Добрыни, в которой он проявляет своё природное «вежество», исполнительность (князь поручает ему ответственные задания: собрать и перевезти дань, выручить княжью племянницу и т.д.), дипломатичность и терпение.

Перевоплощения же богатыря будут связаны с оскорблением волшебницы Марины, которая обращает его в тура-золотые рога, богатырь же сражается и побеждает девичьи чары.

При этом идея преображения так созвучная понятию «возрождение» полностью выразится в образе Добрыни Никитича не только в прямом (обращение в тура), но и иносказательном виде.

Идея преображения создаст центральную сюжетную линию в былинах, посвященных Добрыне Никитичу (4).

На мотиве преображения богатыря будет построен центральный сюжет его былинной биографии: переодевание-преображение лежит в основе былины «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши», связанная с появлением Добрыни на свадебном пиру своей жены Настасьи Микуличны.

Относительно третьего богатыря, самого младшего на «заставе богатырской», Алеши Поповича художественно-образное воплощение «возрождения» утвердит саму былинную славу героя, проявится в наиболее архаичном сюжете, который будет гласить о перевоплощении Алеши.

Именно в преображенном виде предстанет богатырь перед бахвалящимся врагом - Тугариным. И, несмотря на то, что герою будет противостоять вся мощь природной стихии, подчиненная сыну змея (огонь, дым), поединок закончится победой Алеши Поповича, на помощь которому приходят его выдержка, сила земли русской и природы.

Таким образом, концептуализированное понятие «возрождение» будет активно востребовано художественно-образным наполнением и идейно-тематическим содержанием былины.

Жизненными ориентирами ее главных героев станут общенародные ценности: «земля» (за нее можно и жизнь отдать); «семья», воспринимаемая в виде родственной, а иногда и родовой, связи всех живущих; «дом», расширяемый до гиперболизированного понятия Руси; «труд», к которому будет приравнено и ратное дело; «вера» как центральная определяющая нравственная категория.

Своеобразие этой художественно-образной традиции не единожды проявится в образах центральных и второстепенных персонажей, в композиционном и поэтическом строении былины (Например, в былине об Иване – гостиним сыне: былине о сохранении человеческого достоинства, нерушимости слова; былинах о Василии Буслаеве – как попытке покорения буйного нрава, усмирения плоти; о Садко – борьбе гуманистического и социального (статусного) в контексте быстрого обогащения и богатства) (6).

В подобной антиномической природе культурных символов, считает П.А. Флоренский, была заключена сама возможность и необходимость творчества: антиномии, с одной стороны, раскрывали перспективу бесконечных трансформаций своих смыслов, а с другой – помещали эту перспективу в сходящийся ряд, устремленный своим движением к истине (7).

Художественно-образные антиномии соединяли в себе онтологическую укорененность и гносеологическую открытость. Образно говоря, культурные символы-антиномии должны быть осмыслены в качестве каналов связи между человеком и Трансценденцией.

Основой русского традиционного творчества же явится просветленное верой сознание.

Вера поддержит «каналы связи» в рабочем состоянии, не позволит забить их бытовым мусором, превратить в формы без содержания (7).

При этом нравственные религиозные предпочтения будут оказывать весомое влияние на все русское традиционное творчество, как и на русское искусство в целом.

Русское традиционное художественное творчество, таким образом, как и вся художественная традиция русского народа, должно быть рассмотрено в виде сложного комплекса духовно-овеществляемых, художественно-образных и нехудожественных явлений, бытующих по преимуществу в народной среде и отображающих менталитет этой среды (2).

В таком осмыслении русское традиционное художественное творчество выступает значимой формой выражения концептуальных моделей – в контексте культуры, истории - в обращении к крупнейшим событиям в жизни народа и государства, личности – в отражении определенных циклов человеческой жизни, времен года, трудовых занятий.

Не случайно, русское традиционное художественное творчество рассматривается в качестве самостоятельной формы духовной практики, развивающейся по своим законам и располагающей своими возможностями и средствами влияния на историю, человека, его мысли и действия.

Сложное социальное бытование русского традиционного художественного творчества, включение в него разноплановых явлений, несущих приметы различных искусств, быта, предметов социально-практической и духовной сферы, позволило утвердить и выразить концептуальные идеи русской традиционной культуры, художественно-образно и формообразующе органично концептуализировав понятие «возрождение».

References:

1. *Buslayev FI. Historical sketches of the Russian national literature and art. Moscow, Art, 1961, T.1; 15-31.*
2. *Kargin AS. Amateur and folk arts: structure, forms, properties. Moscow, Music, 1990; 141.*
3. *Kravtsov NN, Lazutin S.. Russian folklore. Moscow, The higher school, 1983; 448.*
4. *Propp VYa. Russian heroic epos. Moscow, Labyrinth, 1999; 638.*
5. *Russian national poetic creativity: Anthology: ed. YuG. Kruglov. 3rd prod. S.Peterburg, 1993;639.*
6. *Selivanov FM. Russian epos. Moscow, The higher school, 1988; 207.*
7. *Florensky PA. The law of illusions: Works on sign systems, Tartu, 1971 (Scientific notes Tartusky university, pr. 284). T. V; 513.*